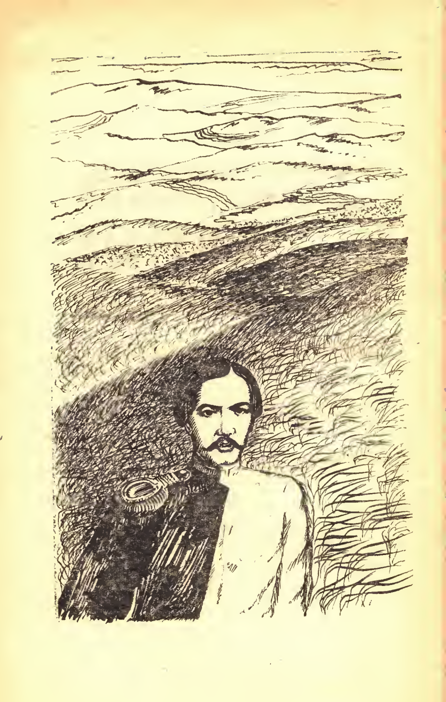
САБИТ МУКАНОВ

ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ МЕТЕОР

САБИТ МУКАНОВ

ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ МЕТЕОР

РОМАН

Книга вторая

Перевод с казахского
АЛЕКСЕЯ БРАГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖАЗУШЫ"
Алма-Ата — 1976

Р 2
М 90

Муканов Сабит.

М90 Промелькнувший метеор. Роман. Кн. 2. Пер. с каз. А. Брагина. Алма-Ата, «Жазушы». 1976.

412 с.

Вторая книга романа известного советского писателя Сабита Муканова «Промелькнувший метеор» — продолжение эпопеи о выдающемся ученом, путешественнике и просветителе-демократе Чокане Валиханове.

Первая книга романа, уже знакомая читателям, посвящена детским и юношеским годам Чокана.

В предлагаемой читателю книге, посвященной годам формирования идейных взглядов и убеждений Ч. Валиханова, повествуется о том, как, окончив учебу в Омском кадетском корпусе, начинающий исследователь готовится к выполнению главного дела своей короткой, но яркой жизни — экспедициям в малоизученные районы Азии. Писатель уделяет большое внимание дружбе Чокана с Ф. Достоевским и Г. Потаниным, с людьми из степных аулов.

Р2

М $\frac{70303-119}{402(07)-76}$ 135—76

«С местными султанами и богачами из черной кости я... не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с людьми, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе,..»

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

Из письма к А. Н. Майкову. 6 декабря 1862 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Чокан становится адъютантом

Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорт решил сделать Чокана своим адъютантом. И не только потому, что он блестяще закончил кадетский корпус. У тщеславного генерала для этого было несколько причин.

— Сей азиатский юноша,— рассуждал Гасфорт,— еще кадетом сблизился со светскими кругами Омска. Его знания и сообразительность ценили офицеры и чиновники, его остроумие и необычайная привлекательность создали ему репутацию дамского любимца. Не успели Гасфорты приехать в Омск, как он уже был представлен Елизавете Николаевне. И она постоянно твердила мужу: «Какой чудесный молодой человек! Ну, право же, ты его должен взять в свои адъютанты». Уж в чем-чем, а в светских обычаях она разбиралась. И если ей выпала судьба быть первою дамой Омска, то как экзотично будет выглядеть изящный степной принц с ней рядом на балу, как будут завидовать ей офицерские жены! Именно этих слов супругу своему она не сказала, но по вкрадчивой интонации голоса, по нетерпеливому движению бровей Густаву Христиановичу все стало ясно. Да он, впрочем, и не помышлял спорить с капризной Лизхен. «Добро, добро, так и будет».

Гасфорт отлично понимал, что в киргизской степи, уже находившейся под властью России, еще в полной мере сохранялись свои законы и обычаи, идущие чаще всего вразрез с имперскими законами. Оставлять же покоренный народ в прежнем состоянии было никак нельзя. Кто же должен приобщить

его к российским законам, кто будет связующим звеном между губернатором и степью? Конечно, в первую очередь султаны и родовые судьи — бии, но с некоторыми из них он уже успел познакомиться и убедился: хитрецы, ох, хитрецы! Не так просто найти среди них опору, тем более надежного помощника.

И когда на глаза Густаву Христиановичу попался Чокан и он перемолвился с весьма занятным будущим корнетом, и в особенности когда услышал его бойкую, может быть, даже слишком бойкую речь на выпуске в кадетском корпусе, то подумал: «Взяться хорошенько за его воспитание — помощник будет, лучшего и желать нельзя!»

Гасфорт был уже стар, но спесивая кровь остзейского барона еще подогревалась сладостными мечтами о карьере. Он участвовал еще в Отечественной войне 1812 года и вернулся из Парижа подполковником, с несколькими орденами. Командовал полком в Крыму, воевал с горцами на Кавказе и с турками на Балканах. Командовал дивизией, дослужился до генерала от инфантерии. Окончил Институт путей сообщения, но представлялся себе бравым кавалеристом и потому увлекался коннозаводским делом. Но пуще коней любил власть.

Балтийские служаки были в чести у двора. В ту пору Российская империя, уже утвердившая свое владычество на сибирских северных просторах Киргиз-Кайсацкой орды, вынашивала дальнейшие планы покорения Средней Азии, к которой с юга, с Индии протягивала свои щупальцы и Британская корона. Нужно было готовиться к этому наступлению, и прежде всего изучить среднеазиатские страны, их реки и горы, их селения и города, выведать потенциальные богатства, прощупать силу народов, населяющих таинственные эти земли, узнать их обычаи и культуру. Кандидатура Гасфорта представлялась приемлемой еще и по тому, что Гасфорт отлично знал, как оказались прибалты под властью России и к тому же поднаторел в колониальных делах во время службы в Крыму и на Кавказе.

Назначению Гасфорта в Омск немало помог граф Дмитрий Николаевич Блудов, добрый знакомый еще по кампании 1812 года. Действительный тайный советник, тот был в пятидесятых годах главнокомандующим II отделения собственной Его величества канцелярии и членом Государственного совета.

Когда назначение состоялось, граф Дмитрий Николаевич сказал:

— Считайте себя наместником, действуйте смело, не всегда и не во всем оглядывайтесь на Санкт-Петербург. Работать придется тщательно, средствами будете обеспечены. Изучай-

Письма содержат сводки военных действий между маньчжурами и восставшими, записки о положении кочевников-киргизов (и собственно киргизов, и казахов) в результате восстания, критические замечания о местных администраторах в Семиречье.

Чокан не раз переводит для генерала Колпаковского письма, адресованные Российскому правительству, правителей илийских провинций.

Вот тебе и отрешенье от государственных забот, вот тебе и уединение в патриархальной тишине!

Две выписки из писем:

«Пользы от ага-манапа мы положительно не имеем и, поддерживая его значение, вредим самим себе, отталкиваем от себя народ... Кроме того, Сарымбек постоянной ложью от имени русского правительства возбуждает недоверие в народе к нам... Сверх того, ни один абсолютный восточный монарх не делает таких насилий, как он. У него содержится одна женщина, под именем **подводной бабы...** он ею угощает приезжих казаков и других лиц, и она взята так же, как берут в подводы верблюдов и лошадей...»

В этих строках и оскорбленное национальное достоинство и энергичное желание вмешаться в систему управления, положить конец произволу.

Не новоявленному степному отшельнику принадлежат эти слова, равно как и такая изящная приписка к письму от 19 января:

«Ваше превосходительство оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова и один, так называемый, пробный ящик».

Мы просто не знаем многих обстоятельств этого уединения, но зато хорошо известно из опубликованных архивных документов, какая гроза собиралась над Чоканом.

11 февраля 1865 года туркестанский генерал-губернатор докладывал военному министру:

«...Я неоднократно получал неодобрительные от местных властей отзывы о штабс-ротмистре Валиханове, распространявшем между киргизами Семиреченской области вредные для спокойствия края слухи».

Далее, в этом же донесении сообщалось, что Валиханов и его шурин, полковник Тезек, вместе сеют «возмутительные слухи». Генерал-губернатор приказал арестовать их и произвести следствие.

Как можно заключить по обтекаемым канцелярским фразам документов, генерал Колпаковский, губернатор Семиреченской области, не выполнил этого приказа, но, однако, признал необходимым удалить Валиханова из Семиречья.

7 апреля 1865 года за три дня до смерти Чокана начальник Глав-

ного штаба генерал-адъютант граф Гейден в докладе военному министру Милютину писал:

«...Генерал-лейтенант Хрущев полагал бы более соответственным перевести штабс-ротмистра Валиханова на службу в какой-либо кавалерийский полк внутри империи, где по условиям окружающей его среды пребывание его не может повлечь за собой никаких вредных последствий».

И резолюция министра: «Перевести в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова».

Телеграмма из столицы в Омск пошла 9 апреля, а читал ее командующий войсками Западно-Сибирского округа генерал-лейтенант Хрущев в день смерти Чокана.

Когда выстраиваешь в один ряд эти факты, хочется представить себе, что же в конце концов происходило в ауле Тезека.

Когда сопоставляешь даты «Валихановского дела» и его смерти, невольно спрашиваешь себя: а не повлияло ли это следствие на болезнь Чокана, не ускорило ли следствие его конец?

Те, кому в 1865 году было пятнадцать и двадцать лет, могли дожить до тридцатых и даже сороковых годов нашего века. И уж, во всяком случае, передали своим сыновьям многие устные рассказы о пребывании Чокана у Алтын-Эмельского перевала.

Я был в 1950 году на его могиле, смотрел скромный памятник, сооруженный еще генералом Колпаковским в 1881 году «во внимание ученых заслуг Валиханова...» Он не идет ни в какое сравнение с установленным в наше время гордым обелиском и барельефом великого сына казахской степи. Но и к той скромной мраморной плите жители окрестных аулов приносили цветы.

Мне удалось за время краткого пребывания в урочище Кучен-Тоган услышать одну трогательную и наивную легенду о памятнике Чокану.

Но ведь Сабит-ага бывал в этих краях не один раз. Кто-кто, а он умел разговаривать со стариками и, надо полагать, узнал от них много важного, что вошло бы в заключительную главу задуманной тетралогии.

Долг творческих наследников Сабита Муканова — если не разгадать его намерения, то уж терпеливо идти по намеченным им следам.

АЛЕКСЕЙ БРАГИН

СОДЕРЖАНИЕ

САБИТ МУКАНОВ

ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ МЕТЕОР

роман

книга 2

Редакторы *Н. Акимбеков, Л. Космухамедова.* Художник *К. Бекенов.*
Худож. редактор *А. Смагулов.* Техн. редактор *М. Злобин.*
Корректоры *Г. Сыздыкова* и *Ш. Мукажанова.*

Сдано в набор 6/II 1976 г. Подписано к печати 26/VIII 1976 г. Бум. тип. № 2.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$—12,875=21,63 усл. п. л. (24,34 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз.
Цена 87 коп.
Издательство «Жазушы», г. Алма-Ата, 480091, пр. Коммунистический, 105.

Заказ № 324. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

87 к.

САБИТ МУКАНОВ ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ МЕТЕОР